

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ¹

М. А. Беляев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 февраля 2015 г.

Аннотация: в статье показано, что электоральная модель демократии в постиндустриальном обществе уступает место делиберативной модели. Эта трансформация исследована автором как разновидность «эпистемологического сдвига», при котором меняются стандарты обсуждения и обоснования общезначимых политических решений. Обосновано также, что делиберативная демократия представляет собой наиболее рациональную разновидность политического режима.

Ключевые слова: политика, делиберативная демократия, политическая эпистемология, легитимность, право, интерсубъективность, коммуникативная рациональность.

Abstract: the article shows that the electoral model of democracy in the post-industrial society gives way to the deliberative model. This transformation was studied as a kind of «epistemological shift» in which change rules of discussion and justification for the significant policy decisions. It is proved also that deliberative democracy is the most rational kind of political regime.

Key words: policy, deliberative democracy, political epistemology, legitimacy, law, intersubjectivity, communicative rationality.

В развитии капиталистическом обществе, переживающем кризис интеграции (диагностируемый посредством изучения, в первую очередь, институциональных конфликтов), рефлексивное описание социальных систем предполагает возникновение двух взаимосвязанных дискурсов. В одном проблематизируется всё, что прежде входило в область легитимного, в другом – легитимизируется всё, что прежде входило в область проблематичного. Таким способом осуществляются метаморфозы социальной системы, а точнее – изменение ее нормативных, идеологических и иных значимых параметров. Первый из названных дискурсов демонстрирует разрыв представлений о повседневности (или о жизненном мире) с актуальным нормативным порядком, второй – от имени носителей искаженной или непризнанной, недооформленной субъективности ставит вопрос об идентичности, о принадлежности какой-либо референтной группе, о признании со стороны этой группы. Указанные процессы имеют множество сторон, пригодных для исследования. В данной статье речь пойдет исключительно об эпистемологическом аспекте вопроса.

В качестве введения хотелось бы пояснить, в каком смысле теоретико-познавательная дисциплинарная матрица может быть связана с

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-03-00491.

политической практикой. На первый взгляд, процессы познания в существенных своих чертах не определяются конкретным режимом осуществления государственной власти. Конечно, от администрации зависит, например, система финансовой поддержки, без которой наука не сможет выжить. Также власть может вмешиваться, как неоднократно уже делала, в процесс обнародования результатов научного поиска, цензурируя их (такое вмешательство возможно и на любой предыдущей стадии). Но все эти формы принудительного воздействия вообще не влияют ни на методы научного исследования, ни на язык описания существенных свойств и отношений в исследуемой области, ни на вопросы научной этики. Во всяком случае, так нам говорит наша интуиция, и эта точка зрения распространена весьма широко.

Вместе с тем популярность или простота взгляда, как часто бывает, заслоняют его истинность. Говоря о независимости методологических стандартов исследования от баланса политических сил в том или ином обществе, мы неявно подразумеваем содержательную нейтральность продукта исследовательской деятельности, т.е. научного знания. Но знание может быть нейтральным только в том случае, когда оно не затрагивает чьих-либо интересов. Довольно малое число дисциплин может похвастаться подобной «чистотой» производимого знания. Если же нейтральным считать знание, которое ни в чьих интересах не может быть использовано, то придется признать, что такого положения дел в науке вообще не существует. В самом приблизительном отношении нейтральным знанием следовало бы считать то, чем заняты логика, математика и отчасти естественные науки. Технические дисциплины занимают некое промежуточное положение, а вот психология, социология, учение о праве, филология – на другом полюсе, они максимально ангажированы идеологически. Эти дисциплины могли бы обрести нейтральность, если бы их можно было редуцировать к логико-математическим структурам, что вряд ли пойдет им на пользу, да и выглядит утопически. Таким образом, не ошибемся, если скажем, что связь власти и знания – явление скорее универсальное, чем партикулярное, скорее вечное, чем временное, скорее необходимое, чем случайное.

Здесь, однако, необходимо различать две ситуации. С одной стороны, существует знание, представляющее для властных инстанций определенный интерес в силу возможности посредством этого знания манипулировать подвластными лицами. А с другой стороны, есть некие дескрипции, прямо вытекающие из бытия административной машины определенного типа, которые и являются рефлексивным само-описанием власти. Субъект власти, соотносясь с иными субъектами, производит некую информацию, кристаллизующуюся затем в фигуры мысли. В частности, любой политический режим характеризуется определенным стилем выработки, принятия и реализации политических решений. Соответственно, любое свойство подобных решений, если оно обладает градуальностью, может быть выражено количественно, а всё количественное может служить основанием для сравнения иных явле-

ний – производных, но плохо формализуемых самих по себе. Выражаясь в терминах Мартина С. Липсета, любое оценочное понятие может быть переведено в ранг инструментального [1].

Политическая эпистемология (насколько она нам известна) оперирует такими концептами, как рациональность, коммуникативная эффективность, признание, процедура обсуждения (аргументации). В настоящей работе мы с помощью данных понятий репрезентируем социокогнитивный аспект делиберативной демократии.

В современной философии политики принято различать электоральную и делиберативную модели демократического процесса принятия решений [2]. Первая модель, как следует из этимологии термина, базируется на главенствующей роли выборов, следовательно – артикулированной позиции большинства. Вторая предлагает учитывать при выработке перспективного плана или иного стратегического действия всякое хорошо обоснованное мнение, подразумевая предварительное публичное обсуждение любого значимого политического (и правового) решения. Отвлекаясь от того, что обе модели представляют собой идеализированное положение дел, попробуем ответить на вопрос, знаменует ли собой переход от электоральной модели к делиберативной некий эпистемологический сдвиг. Говоря проще, попытаемся понять, можно ли зафиксировать преимущества второй модели перед первой в терминах теории познания.

Классическая демократия опирается на две антропологические презумпции – свободную волю и монологический разум. Предполагается, что при достижении определенного возраста всякий социализированный индивидуум способен правильно понимать смысл и значение своих действий и руководить ими, способен верно определять собственный интерес и действовать в соответствии с ним, в том числе и в политической сфере. Статус разума определен классическими, имеющими давнюю и непрерывную историю представлениями о его субстанциальности (отчасти эти представления выражены у Декарта, в некоторой степени у Канта, главным образом – у Гегеля). Субстанция, как известно, существует благодаря себе самой, следовательно, она уникальна в смысле экземплярности, существует в единственном числе. Единственность разума (не колеблемая фактом множественности сознаний, между которыми существуют только символические, а не ментальные пересечения) предполагает и единственность логики, во всяком случае – понятия обоснованности. Если политическое решение приемлемо для большинства (т.е. большинство согласно с тем, что это решение обосновано), оно приемлемо для всех – вот основное правило мышления, характерное для электоральной демократии.

Принципы делиберативной демократии существенно иные. Даже в том случае, если большинство определится с тем, какое политическое решение должно быть принято, процесс согласования интересов на этом закончиться не может. Предполагается, что социальные группы могут договариваться друг с другом, пока не найдут наилучшее решение, а

последнее подразумевает два условия: вовлеченность как можно более широкого круга лиц в процесс обсуждения и наилучшее обоснование, свободно и осознанно выбранное из спектра возможных обоснований. Автоматическое господство большинства здесь вовсе не подразумевается. Совещательная модель (как и электоральная) имеет в виду ориентацию на общее благо и справедливость, но стремится избежать замыкания нормативного упорядочения социума в круге корпоративных интересов политических партий. Более того, сторонники принципа делиберативности полагают, что ведущую роль в политической коммуникации играют именно беспартийные граждане, чье сознание в минимальной степени идеологизировано. При этом предполагается, что данные субъекты заинтересованы в рациональном обустройстве условий собственного бытия.

Поскольку государство само является довольно-таки закрытой корпорацией, его интересам электоральная демократия соответствует гораздо больше, ведь уровень контроля над обществом в данном случае вполне удовлетворителен. В то же время подотчетность носителей власти своим избирателям может быть с успехом минимизирована (институты импичмента и отзыва выборных лиц в нашей стране, например, применяются нечасто). Монологическому разуму здесь отчетливо коррелятивны идеи совпадения легальности и легитимности (или, в более subtilном исполнении, легитимности политической и правовой), а также юридического позитивизма в его смягченном варианте (правовой реализм, социологическое правоведение и т.п.).

Вообще, в этой ситуации есть несколько весьма демонстративных моментов. Концепция юридического позитивизма видит основание действительности правовой нормы исключительно в том, что данная норма издана сувереном в лице компетентного органа государственной власти. Тождество нормы права и приказа суверена является здесь вполне достаточным основанием, что в общем-то коррелирует с методологической основой позитивизма: норма права есть эмпирический факт и ее авторство тоже является эмпирическим фактом. Следовательно, речь может идти только о том, установлена ли связь между двумя фактами. Метафизические сущности для объяснения права (точнее, для доказательства его наличия) привлекать вовсе не требуется. Преимущества этой теории очевидны, и чем проще интерпретация права как приказа, тем выше ее объяснительный потенциал. Приказы могут быть разные, а суверен – один. Его воля, будучи формой организации и управления, становится к тому же содержанием. Для практики, равно как и для теории, эта умозрительная схема кажется соблазнительной в своем универсализме. Так, например, юридический позитивизм не испытывает затруднений при классификации источников права, без каких-либо трудностей способен отличить моральную норму от правовой и т.п. Но как только возникает вопрос о качестве правового регулирования, позитивизм мгновенно устраняется от ответа: по словам Дж. Остина, «существует право или нет – это один вопрос, а удовлетворяет ли оно принятым критериям качества – другой вопрос» [3].

Нельзя сказать, что данная особенность юридического позитивизма делает его однозначно ошибочным. Поскольку принцип элиминации метафизики не отменяет необходимости исследователя наблюдать за связью фактов, позитивизм сохраняет за собой ряд возможностей, что не позволяет считать его полностью неприемлемой доктриной. Тем более многие научные исследования, выполненные в этой парадигме, сами по себе вполне разумны. Но с точки зрения делиберативной демократии позитивистские ориентации на власть при определении того, что есть право и справедливость, по меньшей мере нелогичны, а в реальности, скорее, сервильны и потому вызывают прежде всего моральное несогласие. Эпистемологических оснований для критики куда меньше, ведь деонтологические импликации, на которых базируется данная установка, не отменяются и не могут быть отменены при любом раскладе политических сил. Другое дело, что всеобщее обсуждение жизненно важных вопросов предполагает возможность поставить под сомнение и верность выводов законодателя, и содержание судебного прецедента. Эта возможность (поистине революционная, если ее продумать до конца) ищет себе теоретическое оформление, закрепляясь в различных формах коммуникативного (или диалогического) правопонимания. В итоге этическая малопригодность теоретических конструкций порождает новую парадигму, которая образует оппозицию прежним взглядам (при этом, стоит заметить, эффективность коммуникативизма как теории среднего уровня пока не доказана на практике; возможно, она и не будет подтверждена при нынешнем взаимоотношении науки и власти, в особенности, в России).

Делиберативная демократия предполагает, что понятий с неизменным содержанием для целей той или иной политической практики не существует. Любой концепт может поменять смысл и содержание ровно столько раз, сколько к нему обращаются. Истинность в этом случае становится подобна сложной функции, область значений которой отличается от двузначной. Множество вероятных исходов того или иного обсуждения вовсе не обязано быть полностью упорядоченным, вследствие чего меняются и привычные понятия. Конечно, это противоречит не только амбициям власти, но и логике процессов распространения аподиктического социального знания – идеологии. По сути, идеи многоуровневого взаимного признания и консенсуса должны встречать сопротивление даже со стороны легитимных экспертных сообществ (таков наш прогноз, а какова в действительности будет картина, еще предстоит увидеть).

Суммируя сказанное, мы приходим к выводу, что делиберативная демократия является наиболее рациональной по отношению к прочим вариантам политического устройства общества в силу следующих причин:

- 1) она предполагает, что качество управленческих решений (следовательно, качество политического режима в целом) является эмпирически определяемым показателем; в силу этого знание фактов может быть сильнее идеологических посылов, исходящих от власти и той части науки, которая остается ангажированной бюрократическим аппаратом;

2) она исходит из необходимости сделать максимально прозрачными информационные потоки и коммуникации (по линиям «Правительство – Бизнес», «Правительство – Граждане» и пр.), поскольку с психологической точки зрения возможность участвовать в обсуждении чего бы то ни было считается обеспеченной, если организован доступ к самой ситуации информационного взаимодействия (далеко не все из имеющих право на такого рода обсуждение действительно планируют принимать участие, но, вероятно, всякий желает иметь такую возможность);

3) она открывает множество измерений взаимного признания социума и личности (о взаимном признании написано достаточно много, мы здесь не станем повторять широко известные тезисы А. Хоннета, С. Бенхабиб, Г. Нуннер-Винклер и мн. др.). Важен следующий факт: благодаря осознанию диалогичности политического разума научное сообщество приняло также идею о том, что взаимное признание представляет собой многообразие полуформальных и неформальных практик. Вообще, современная социально-философская мысль сильно сместила акценты с прескрипций на практики. Это позволяет ряд феноменов, традиционно понимаемых как неопределенные структурно («смысл», «ценность», «значимость»), подвергнуть то ли редукции, то ли деконструкции (скорее всего, чему-то третьему), превращая их в интервалы, на которых эмпирически определяемые качества, образуя меж собой системную связь, то увеличиваются, то уменьшаются, но пребывают меж тем в некотором продуктивном для самой политики единстве.

В заключение отметим следующее. Для современного постиндустриального общества актуальной является идея перманентного диалога, бесконечного пересоздания социальными группами собственных условий существования посредством достижения консенсуса. Иными словами, с одной стороны, признание правила хронологически не совпадает с его созданием (обнародованием), с другой – правовая теория не имеет оснований предполагать, будто бы разумность адресанта и адресата юридической нормы неизменна и одинакова, поскольку декартовский и кантовский варианты трансцендентализма утратили свои приоритетные позиции. Становится ясно, что сопоставление различных установок агентов нормативной системы возможно только в специально организованном пространстве мыследеятельности, которое априори коллективно, аксиологически интенционально и рефлексивно.

Указанными обстоятельствами отлично объясняется интерес научного сообщества к альтернативным доктринам права и тенденция к партикулярной психологизации знания. Вероятно, замысел создания всеобщей (синтетической, универсальной) теории в ближайшее время будет пересмотрен в пользу ансамбля локально-исторических концепций, каждая из которых будет центрирована вокруг отдельной формы правосубъектности. Это будет способствовать исследованию юридического плюрализма, построению «правовой карты мира» на новых началах и многим другим интересным интеллектуальным новациям.

Литература

1. *Lipset M. S.* Some social requisites of democracy : economic development and political legitimacy / M. S. Lipset // *The American Political Science Review*. – 1959. – Vol. 53, № 1. – P. 86–89.
2. *Зайцев А. В.* Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества / А. В. Зайцев // *НВ : Проблемы политики и общества*. – 2013. – № 5. – С. 29–44.
3. *Austin J.* *The Province of Jurisprudence Determined* / J. Austin ; ed. W. E. Rumble. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995.

Воронежский государственный университет

Беляев М. А., кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: yurist84@inbox.ru

Тел. 8-904-212-72-98

Voronezh State University

Belyaev M. A., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: yurist84@inbox.ru

Tel.: 8-904-212-72-98